

**НАШИ РАРИТЕТЫ: КНИГИ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
В КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЕЛЬЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

OUR CURIOSITIES: BOOKS ON ANCIENT LITERATURE IN
COLLECTION OF THE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE UNIVERSITY
OF BALTI IN ACADEMIC ENVIRONMENT

Marina ŞULMAN

***Abstract:** The rare fund was established in 60's the last century on the initiative of the former Director of our library Faina Arkadevna Tlehuci, saved and preserved by the current Director Elena Antonovna Harconita. Today it has about six thousand printed documents. In this rare stock there are four editions of „the Tale of Igor's Campaign". Each of them has its own wonderful and dear readers.*

И в пору бы мне тетивой удавиться
У каменной бабы воды попросить.
О чем же ты плачешь княгиня-зегзица?
О чем ты поешь на Кремлевской стене?
Арсений Тарковский

Самым замечательным произведением домонгольской Руси является «Слово о полку Игореве», созданное в стиле «исторического монументализма», по слову Дмитрия Сергеевича Лихачева. Оно явилось образцом для других произведений древнерусской литературы и в последующие времена вызывало ожесточенные споры и неподдельное восхищение исследователей и читателей. Текст изобилует символами, отличается поэтичностью и лиризмом, сочетающимся с обличительным и публицистическим пафосом. Повествуя о походе князя, потерпевшего поражение, неизвестный автор критикует несогласованность действий русских в борьбе с половцами и призывает князей к сплоченности перед лицом общей опасности. В то же время он восхищается мужеством соплеменников и сожалеет о павших воинах без различия их социального положения. При всем разнообразии материала текст отличается цельностью. Его пронизывают мотивы, горестные предчувствия, сны, единство авторской политической позиции и стилового своеобразия.

В «Слове» возникает образ кровавой чаши, которую приходится

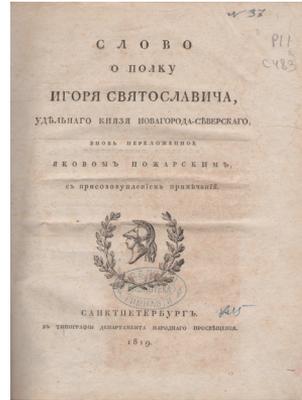
испытать воинам Игоря. Мотив кровавой чаши встречается не только в русских текстах о битвах. Вчитываясь в исландские саги, можно выяснить, как представляли себе их создатели рай, куда должны были попасть после смерти доблестные воины. В Валгалле они пировали, затем яростно сражались друг с другом, поощряемые валькириями, богинями-воительницами, затем вновь переходили к веселому и обильному пиру. У русских рай ассоциировался с покоем и безмятежностью. Мотив кровавой чаши звучит горестно и связан с плачем о героях, сложивших голову в неравной борьбе. Итог похода предвещают солнечное затмение, четырежды упоминающееся в тексте «Слова», волчий вой и лай лисиц, карканье воронов и тревожный сон Киевского князя, понимающего, что половцы осмелеют после своей победы, будут грабить и уводить в плен русских, забыв о поражении, которое в недавнем прошлом нанес им он сам. Молодой и горячий брат Игоря говорит вначале о своих воинах, что у них «луци напряжении, тули отворены» (луки напряжены, колчаны полны стрел и открыты), а в плаче Ярославны сказано о том, что солнце «лучи съпряже, тули затче». Это горестное упоминание о жажде, истомившей воинов Игоря, которых половцы не подпускали к воде градом стрел. У окруженных степняками дружинников кончились запасы воды и опустели колчаны со стрелами. Текст отражает, по всей видимости, реальное течение событий и в то же время отличается глубиной осмысления происшедшего с точки зрения политических последствий необдуманного шага, а также совершенством поэтического мастерства.

По точному замечанию Сергея Аверинцева любовь в «Слове о полку Игореве» предстает не в форме средневековой куртуазной культуры, не в виде страсти или влюбленности. Она более всего напоминает жалость «жены к мужу». Героине нашего текста хочется «омыть раны мужа». Ярославна тоскует по нему и в то же время плачет обо всех воинах Игоря. Не случайно поэт 20 века, отождествляя себя с погибающим дружинником князя, обращается с прощальными словами к героине древнего текста. Мотивы, связанные с судьбами Родины, тяготами битвы, женскими плачами и необходимостью выстоять во все времена звучат и трогают душу читателя.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА, УДЕЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СЕВЕРСКАГО, ВНОВЬ ПЕРЕЛОЖЕННОЕ ЯКОВОМ ПОЖАРСКИМ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМЪ ПРИМЕЧАНИЙ. – СПб.: Департамент нар. просвещения, 1819. – 88 р.

Впервые шедевр древнерусской литературы был издан в 1800 году графом Мусиным-Пушкиным. Он же явился первым комментатором текста.

Самое древнее из имеющихся у нас изданий «Слова о полку Игореве» выпущено в Санкт-Петербурге в 1819 году в типографии департамента народного просвещения. Оно является переложением Якова Пожарского с примечаниями и посвящением «его сиятельству, господину государственному канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцеву». В книге кроме текста самого литературного памятника содержится его перевод на русский язык, а также полемика по вопросам толкования «темных» (неясных для понимания)

слов и оборотов речи с Александром Шишковым, автором примечаний к изданию памятника древнерусской литературы, увидевшего свет через 5 лет после публикации графа Мусина-Пушкина. Николай Румянцев во времена Наполеоновских войн был русским дипломатом, министром иностранных дел, покровителем первых русских кругосветных путешествий Ивана Крузенштерна на «Надежде» и Юрия Лиснянского на «Неве». Граф собирал книги, рукописи, монеты и на основе собственной коллекции создал Румянцевский музей в Петербурге, где хранится множество экспонатов исторического и историко-этнологического характера. Наша книга посвящена именно этому известному коллекционеру и меценату.

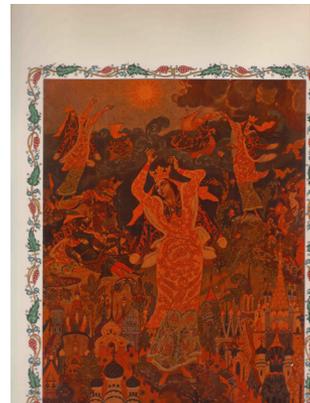
Александр Семенович Шишков был офицером, министром просвещения, известным защитником классицизма, с которым неоднократно полемизировал Александр Сергеевич Пушкин. Он некогда возглавлял литературное общество «Беседа». Комментарий Шишкова был встречен его последователями с восторгом и в то же время сразу после опубликования подвергся критике со стороны многих литераторов того времени. Например, известна критическая оценка этого комментария Грамматиковым. Труд Якова Пожарского вызван к жизни, во многом, желанием вступить в полемику с Шишковым, отказавшимся в своей работе, посвященной толкованию «Слова о полку Игореве» от исторического комментария и, вообще, высказавшем целый ряд очень спорных суждений о памятнике древнерусской литературы. Яков Осипович Пожарский дал исторический и сравнительно-лингвистический комментарий, привлекая для объяснения трудных для понимания мест «Слова» русские говоры, украинский, белорусский, польский, а также иные славянские языки. Именно он убедительно доказал, что слово «зегзица» означает не горлица или голубка, а кукушка, что воспринимается читателем нашего

времени как абсолютно бесспорный факт.

Для удобства чтения в комментарии публикуется вначале строчка из памятника древнерусской литературы, ниже приводятся пояснения Шишкова, а в столбце, расположенном на противоположной стороне страницы, дается объяснение Якова Пожарского. В его комментарии встречаются порой и неоправданные сближения с польским языком, но, в целом, труд отличается доказательностью, обстоятельностью, серьезностью и научностью. Тоненькая книжечка позапрошлого века, лишенная ярких иллюстраций и внешней привлекательности, на весах истории оказалась весомой и выдержала испытание временем.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВИЧА, ВНУКА ОЛЕГОВА: ДРЕВНЕРУС. ТЕКСТ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ К ПЕЧАТИ В. РЖИГОЙ И С. ШАМБИНАГО, ПИСАННЫЙ И ИЛЛЮСТР. ПАЛЕХ. МАСТЕРОМ ИВАНОМ ГОЛИКОВЫМ. – М.: АКАДЕМІА, 1934. – 51 р.

Следующее издание памятника древнерусской литературы относится к серии художественных изданий. Оно вышло в свет в 1934 году в издательстве «Академия». Книга подготовлена к печати В. Ржигой и С. Шамбинаго. Древнерусский текст писал и иллюстрировал палехский мастер Иван Голиков. Некоторые ученые считают, что село Палех некогда было центром Палицкого княжества, впервые упомянутого в 17 в. В 1918 году в Москве палехский мастер Иван Голиков создал первую лаковую миниатюру в доме художника Глазунова в неповторимо оригинальном стиле, с тех пор называемом «палехским». Стиль сформировался при сохранении традиций древней иконописи и одновременном освоении и творческой переработке принципов Строгановской, Новгородской, Фряжской и многих других живописных школ. Художники Палеха используют своеобразные краски, в состав которых входят уксус и яичный

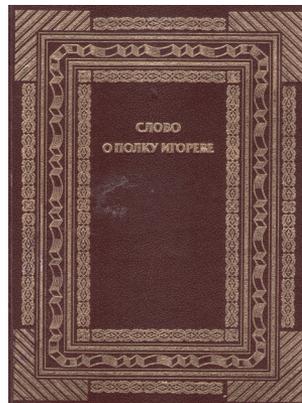
желток. Они не теряют праздничной яркости и блеска. На миниатюрах палехских мастеров удлинённые фигуры и лица, часто усложнённая и тщательно разработанная композиция, нарочитая декоративность и условность, которую порой воспринимают как излишнюю приторность, но она органична для палехских мастеров и объясняется изначальной идеализацией, присущей их красочному живописному миру.

Иван Иванович Голиков был сыном потомственного иконописца Ивана Михайловича Голикова. Семья будущего иллюстратора нашей книги вынуждена была бежать из Москвы, спасаясь от голода. Ивану Голикову было 7 лет. В 14-летнем возрасте он остался сиротой. Отец умер. Иван Голиков поступил в артель Сафонова, учился и работал, расписывал церкви, реставрировал иконы, выступал и в качестве театрального художника. В 1924 году он основал «Артель древней живописи». В её состав входили в основном бывшие иконописцы. Произведения Ивана Голикова уникальны, признаны во всем мире. Художник вкладывал в свои создания богатейший жизненный и творческий опыт, недюжинный ум, тонкий художественный вкус и совершенство собственной живописной манеры.

Иллюстрации к «Слову» являются одной из лучших его работ. В нашей книге с правой стороны расположен тщательно выписанный древнерусский текст, а с левой яркие звучные праздничные иллюстрации. Они соответствуют не столько драматизму повествования, сколько его нетленной красоте, гармоничности и цельности, а также тому наслаждению, с которым искушенный читатель погружается в мир шедевра древнерусской литературы.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. – М.: Книга, 1988. – 231 р.

В 1988 году в Москве в издательстве «Книга» вышел сборник, озаглавленный «Слово о полку Игореве», состоявший из 5 частей. В книгу были включены факсимильное воспроизведение первого издания «Слова о полку Игореве», научные статьи, комментарии и иллюстрации к памятнику древнерусской литературы. Сборник был посвящён более чем столетнему юбилею со дня выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве», осуществлённого графом Мусиным-Пушкиным. Рукопись из его собрания стореда вместе со всем архивом и самим домом в 1812 году во время войны с Наполеоном. К счастью для любителей словесности граф сделал рукописную копию со своего списка

и поднес ее царице Екатерине II. Список из архива императрицы был найден и опубликован в 1864 году П. П. Пекарским в качестве приложения к 5 тому «Записок Академии наук».

В первую часть сборника 1988 года вошли кроме факсимильного воспроизведения первого издания текста памятника древнерусской литературы, список погрешностей и «Поколенная роспись российских великихъ и удельныхъ князей въ сей песне упоминаемыхъ». Внизу под чертой приводятся номера страниц, на которых упоминается имя того или иного князя. Состояние русской исторической науки во времена Мусина-Пушкина было таково, что точно определить всех упоминаемых в «Слове о полку Игореве» князей было невозможно. Трудно переоценить значимость издания, а также первого комментария к тексту, осуществленного графом, для всего славянского мира.

Во вторую часть сборника вошли статья Л. А. Дмитриева «Слово о полку Игореве». – великий памятник древней Руси», транслитерированный текст, а также перевод шедевра древнерусской литературы на современный русский язык с комментариями.

В третьей части сборника опубликована статья Н. К. Гаврюшина Лицевые рукописи «Слова о полку Игореве» И. Г. Блинова. Автор справедливо утверждает, что в своей художественной практике миниатюрист ориентировался на книжную гравюру 16-17 вв. В этом смысле его опыт как иллюстратора «Слова о полку Игореве» уникален. И. Г. Блинов стремился достичь наиболее возможной адекватности своих миниатюр тексту самого памятника древнерусской литературы. Вглядываясь в иллюстрации можно уловить в его манере гармоничное сочетание благородной сдержанности в выборе неярких красок цветовой палитры с точностью и выразительностью жеста.

Вспомним взметнувшиеся над картиной ожесточенной схватки руки, сжимающие мечи и копья, или русских жен, разделенных на две повернутые лицами друг к другу группы. На первом плане миниатюры мы видим две фигуры одинаково одетые в красные платья приглушенного оттенка. Головы женщин повязаны темно-зелеными косынками. Сидя напротив друг друга, они точно отражаются в зеркале. Жестом отчаяния каждая закрывает обеими руками лицо. На втором плане стоящие за их спинами фигуры закрывают лица платками, скрывая невидимые слезы. Причем у каждой женщины жест свой,

ни разу не повторяющийся. Складки их одеяний неподвижны, фигуры статичны. Это создает ощущение, что время остановилось для тех, чьи сердца исполнены скорби. На третьем плане башни средневекового города. Точно выстроенная композиция создает эффект присутствия. Мы словно находимся в одном помещении с русскими женами и призваны разделить их горе.

Четвертую часть книги составляют подробная и обстоятельная статья В. П. Гребенюка Об истории изданий «Слова о полку Игореве». В ней, в частности, указывается, что в 1885 году через 5 лет после первого издания А. С. Шишков издал текст «Слова о полку Игореве» со своим собственным комментарием, а также о полемике между ним и Яковом Пожарским по поводу трактовки темных мест «Слова о полку Игореве».

В пятую часть сборника «Слова о полку Игореве» вошел поэтический перевод памятника древнерусской литературы Игоря Шкляревского с иллюстрациями Дмитрия Бисти. Надо отметить, что работа Игоря Шкляревского (родился в 1938 году), ныне сопредседатель Союза русских писателей, созданная в 70-х и опубликованная в 80-х годах прошлого века, была высоко оценена знаменитым исследователем литературы Древней Руси Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Шкляревский – оригинальный поэт, человек нелегкой судьбы, азартный любитель рыбной ловли и карт, почетный гость 5 турнира преферансистов, председатель экологического движения «Глаза Земли». Тяжело переживая трагедию Чернобыля, он на деньги, полученные в качестве литературной премии, высаживал в Белоруссии деревья, на которых имеется памятная табличка с его именем.

Поэт говорил, что в переводе, отличающемся ритмическим богатством, употреблением рифмы опоясывающей и внутренней, он пытался передать «гул времени», звучание и мелодию древнерусского шедевра. Размышляя о гибели молодого князя Ростислава, брата Владимира Мономаха, тщетно пытавшегося спасти утопающего, вспоминал, как сам чуть не утонул в разлившейся и затопившей прибрежные кусты речке. Ветви затопленных водой кустов выskalывали из мокрых рук, не позволяя подняться на берег. Шкляревский выбрался, догадавшись, что надо, преодолевая боль в груди, идти по дну вспять. В «Слове о полку Игореве» есть эпизод, повествующий о гибели молодого князя, поразительно точная формулировка «кусты затворили его в реке» и плач матери Ростислава, перекликающийся с плачем Ярославны, жены князя Игоря.

Перевод Шкляревского признан одним из самых совершенных поэтических переложений древнерусского литературного памятника.

Текст Игоря Шкляревского сопровождается ксилографиями Дмитрия Бисти. Приверженец сурового стиля в графике художник рассматривает работу иллюстратора как «создание собственной интерпретации текста». Манера графика отличается экспрессивностью. Читатель ощущает

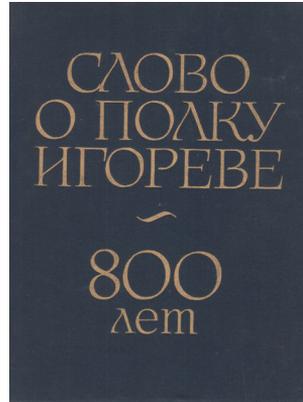
драматизм существования героев «Слова о полку Игореве», их неистовую энергию и самоотверженную борьбу. Цветовая гамма Бисти включает белый, черный и красный цвета. Мы видим тяжелые тучи и изломанные линии молний, мнится, слышим клекот орлов и вороний гай. Душа содрогается, встретив среди иллюстраций фигуру всадника с волчьей головой в кольчуге с мечом в руке (изображение Всеслава). Взгляд дружинников, закованных в железо, напоминает глаза хищных птиц. Само солнце, полузакрытое надвигающимся затмением, роняет слезы. Волосы князя Игоря трепещут от ветра, плащ развивается, меч героя кажется продолжением его руки, а зычный голос, рассекая толщу времен, несется к нам, словно желая передать потомкам свое мужество и волю к победе. Гравюры Дмитрия Бисти гармонируют с поэтическим переводом Игоря Шкляревского, ещё усиливая соответствие прочтения шедевра Древней Руси атмосфере двадцатого столетия.

Каждая часть сборника предваряется заставкой. Перед второй частью мы видим изображение битвы с половцами, третья предваряется воспроизведением фрагмента иллюстрации И. Блинова, перед четвертой на фоне белой страницы сражаются две хищные птицы, пятая следует за гравюрой Дмитрия Бисти, изображающей ошестинившееся оружие войско под темными тучами, на фоне которых с криком летают птицы. Завершается сборник библиографическим списком отдельных изданий «Слова о полку Игореве». Книга богата интересными материалами, отлично иллюстрирована и издана с отменным вкусом, удачно соединяя

серьезность подхода к исследованию памятника Древней Руси и красочность популяризации духовного наследия славян.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. 800 ЛЕТ: СБОРНИК. – М.: Сов. писатель, 1986. – 576 р.

В 1986 году в Москве к 800-летию «Слова о полку Игореве» под редакцией Игоря Шкляревского вышла книга, посвященная памятнику древнерусской литературы. Среди редакторов имена знаменитого исследователя древнерусской литературы Дмитрия Сергеевича Лихачева, известного филолога-медиевиста Олега Викторовича Творогова и других ученых. В качестве составителя выступила доктор филологических наук Лидия Ивановна Сазонова. Помимо Постановления ЮНЕСКО о праздновании 800-летия и текста древнерусского шедевра в книге 8 глав, Родословная таблица русских князей, упомянутых в статье А. Н. Робинсона «Размышления об авторе Слова о полку Игореве и его эпохе», а также разнообразие фотографий высокого качества.

В первую часть издания вошли древнерусский текст «Слова о полку Игореве» и объяснительный перевод Дмитрия Сергеевича Лихачева, который должен помочь современному читателю осознать глубину идейного содержания шедевра, разъяснить «темные места», прояснить намеки, понятные для читателей в древности, а также дать возможность человеку неискушенному разобраться в сложной и стройной композиции произведения. В комментариях Л. И. Сазоновой даются объяснения имен, исторических упоминаний и реалий древнерусской жизни, значимых для адекватного понимания текста «Слова о полку Игореве».

Вторая часть озаглавлена «Ученые о «Слове о полку Игореве». Древний текст освещается с самых разных сторон. Б. А. Рыбаков и А. Н. Робинсон размышляют о том, кто является автором текста памятника древнерусской литературы, В. Ф. Ржиги о соотношении «Слова о полку Игореве» и язычества, В. В. Колесов о цвете и свете на страницах древнерусского шедевра. Л. А. Панина в «заметках астронома» говорит об особенностях солнечного затмения 1185 года и роли солнечного затмения в тексте памятника древнерусской литературы. Все статьи отличаются компактностью, краткостью, доступностью в манере изложения и оригинальностью по смыслу.

В третью часть книги вошли поэтические переводы древнерусско-

В третью часть книги вошли поэтические переводы древнерусско-

го текста. Нам предоставляется возможность познакомиться с вариантами Василия Жуковского, Максима Рыльского, Николая Заболоцкого и Игоря Шкляревского. С юмором и глубоким пониманием особенностей переводческого дела написана статья К. Чуковского о поэтических переводах и переложениях. Справедливо замечание о том, что и личность переводчика и особенности эпохи влияют на качество интерпретации древнерусского шедевра. Выделяя как наиболее удачный перевод Николая Заболоцкого, автор статьи пишет о том, что точность перевода «есть понятие изменчивое, диалектическое». Каждая эпоха по-своему толкует адекватность и конгениальность. При этом хочется отметить, что значимым с точки зрения культуры, является само по себе неизменное желание взяться за перевод древнерусского текста, омыть душу в его трагически прекрасных водах и заставить собственную эпоху заглянуть в это зеркало, правдивое и поэтичное.

Четвертый раздел сборника составляют отзывы о древнерусском шедевре славистов из Болгарии, Италии, США, Чехословакии и Японии. Каждое из этих высказываний по-своему интересно. Славомир Вольман справедливо рассматривает древнерусский текст как «произведение славянской поэзии, создающее самостоятельный канон в духе собственного языка» и, с другой стороны, выдерживающее «сравнение с неславянскими поэтическими произведениями своего времени». Традиционно сопоставление «Слова о полку Игореве» с «Песнью о Роланде» или повествованием о Беовульфе. Неожиданно и в то же время обоснованно сближение японским исследователем Ё. Накамурой с «Повестью о доме Тайра», шедевром средневековой японской литературы. Повесть, увидевшая свет в начале 13 века, отличается неповторимым сочетанием натуралистического и лирического начал, а также соотношением прозы и поэтических фрагментов.

Драматизм описания воинских схваток, сила женственного начала, глубина сочувствия героям, а также то, что, по слову японского исследователя, «И на Руси, и в Японии военные люди дорожили своей честью и опасались бесчестья» роднит оба шедевра средневековой литературы.

Пятую часть сборника составляют поэтические отклики на «Слово о полку Игореве». Здесь читатель может найти отдельные стихотворения и фрагменты поэм, встретиться с русскими классиками (А. Пушкин, И. Бунин), представителями мировой поэзии (Т. Шевченко, К. Кулиев) и поэтами 20 века (М. Цветаева, Б. Пастернак, И. Шкляревский). Завершает пятую часть статья Л. И. Сазоновой «Слово о полку Игореве» в русской поэзии XX века.

Шестая часть сборника озаглавлена «Предположения и находки». В нее вошли спорные и очень интересные статьи о древнерусском тексте. Авторы нашли свой собственный ракурс и, исследуя моменты, ранее не привлекавшие к себе пристального внимания ученых, сумели сказать свое слово, значимое в деле изучения памятника древнерусской культуры. Интересна работа Н. С. Демковой о возвращении князя Игоря из плена, любопытна попытка Г. В. Сумарокова взглянуть на «Слово о полку Игореве» глазами биолога, значителен разговор А. А. Косорукова о частностях перевода, от точности которых с точки зрения истории семантики, зависит понимание характера главного героя.

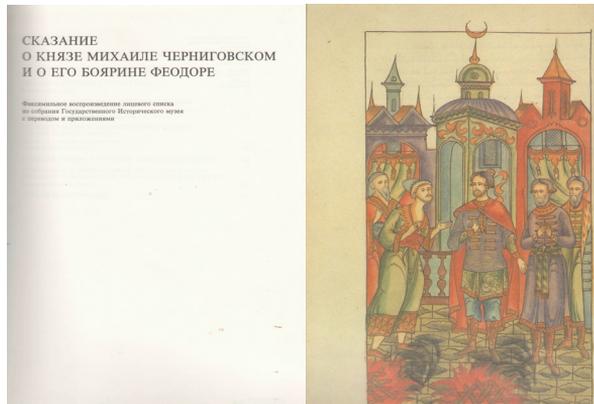
В седьмой и восьмой разделы книги вошли отзывы представителей русской культуры 19 и 20 века о шедевре древнерусской литературы, а также высказывания о той роли, которую сыграло знакомство со «Словом о полку Игореве» в интеллектуальном развитии и духовном становлении писателей и поэтов 20 века.

В сборник, выпущенный издательством «Советский писатель» в честь 800-летнего юбилея, вошли многочисленные и разнородные в жанровом отношении материалы. Красной нитью проходит очевидная и убедительно аргументированная идея присутствия памятника древнерусской литературы в поисках и решениях 20 века. Думается, в начале 21 века реалии обыденной и духовной жизни существенно изменились, на первый план вышли другие приоритеты, но потребность увидеть свою эпоху в свете исторического и духовного контекста национального и мирового развития актуальна как никогда. В этом плане культурное наследие народов и шедевры древности могут сыграть значительную роль в выборе пути на перекрестке истории.

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЕ МИХАИЛЕ ЧЕРНИГОВСКОМ И О ЕГО БОЯРИНЕ ФЕОДОРЕ. – М.: Книга, 1988. – 107 р.

Но кайсацкое имя язык во рту шевелит в ночи, как ярлык в орду
Иосиф Бродский

В «Истории русской литературы XI-XVII веков» под редакцией знаменитого ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева упоминается о том, что дочь погибшего в Орде Михаила Черниговского ростовская княгиня Марья построила церковь в честь своего отца еще до канонизации (до признания православной церковью святости князя). По ее желанию появилась в ростовском летописном своде 1263 года краткая запись о подвиге Михаила Черниговского. Примерно в это же время было составлено и житие князя и его верного слуги Феодора. Оба они не пожелали пройти меж горящих костров и поклониться идолу (изображению Чингисхана),

считая, что это было бы изменой христианской вере, и приняли мученическую кончину.

Проход меж костров является древнейший способом клятвенного подтверждения заключенного союза. В Библии есть эпизод, повествующий о том, как Авраам сидит у разрезанной пополам туши животного и вдруг в ночной тьме он видит огонь, пробегающий между половинами, с трепетом сознавая, что союз с господом богом заключен. Монголы совсем не каждого своего союзника заставляли пройти через испытание огнем. У русских, к сожалению, не было письменных договоров с ордынцами и это делало их особенно уязвимыми. Каждая поездка в ставку Батыея или другого монгольского князя могла закончиться унижением или гибелью. Без соизволения хана в те времена русский князь не мог спокойно править наследственным уделом. Произвол ордынцев усугубляли междоусобные интриги.

Согласно одной из гипотез, монгольские послы в 1240 году были убиты по приказу Михаила Черниговского. Но в этом случае шансов получить ярлык на княжение не было никаких. Князь, скорее всего, считал себя непричастным к убийству ханских послов. Другое объяснение причины расправы над ним состоит в том, что Михаила Черниговского обвинили в краже священных коней, посвященных Чингисхану, предку Батыея, что было в глазах монголов тяжким преступлением. Тайна гибели Михаила Черниговского до сих пор не раскрыта полностью. При этом сам факт мученической смерти не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует Паоло Карпини, францисканский монах, присутствовавший при казни.

Причины расправы, а также поведение князя и его убийц во время казни по-разному расцениваются в русских и монгольских источниках. Справедливо замечание А. В. Парунина о том, что это объясняет-

ся столкновением двух культурных миров, различных «ментальных установок» славян и монголов о смерти. Для ордынцев почетной была смерть бескровная. Князя избили, ему отрубили голову, расправились как с изменником. Для русских его гибель была подвигом во имя верности христианской вере, примером самоотверженной стойкости. Ордынцы швырнули тело князя «псам на снеть», но соплеменники сумели сохранить останки будущего святого, канонизированного впоследствии христианской церковью. Для славян не столь важна была целостность тела погибшего. Гораздо значительнее было то, во имя чего Михаил Черниговский отдал жизнь.

В Орде были убиты более десяти русских князей. Все рассказы об их гибели, по утверждению Дмитрия Сергеевича Лихачева, испытали на себе воздействие описания первой из подобных трагедий. В данном издании впервые публикуется малоизвестный список, хранящийся в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея. Список является лицевым, что означает наличие в нем иллюстраций с изображением человеческих лиц. Иллюстрации выполнены миниатюристом Блиновым (родился в 1972 году). В книге находим факсимильное воспроизведение списка Блинова из коллекции Бахрушина, его перевод на современный русский язык, портрет русского миниатюриста Ивана Гавриловича Блинова, который переписал и иллюстрировал текст, статью о биографии и особенностях его художественной манеры, а также воспроизведение самих миниатюр, аннотации к ним и список иллюстраций.

Сам по себе текст является соединением произведения древнерусского писателя Пахомия Логофета с элементами одного из древнейших списков. Блинову, когда он взялся за эту работу, было 23 года. Художник был в расцвете творческих сил и полон желания сохранить в 19 веке искусство создания рукописных книг, справедливо считая, что это неоценимое национальное богатство. Письмо, которым переписан текст, называется полууставом. В исполнении Блинова оно очень похоже на полууставное письмо 16-17 вв. Мастер не копировал старые миниатюры, а создавал в соответствующей манере свои собственные произведения. Рисуя заставки и инициалы, он использовал геометрические и растительные мотивы. При этом Блинов никогда не повторялся. Текст «Сказания» сопровождался 15 миниатюрами, располагавшимися на оборотных сторонах листов. Используя красные, коричневые, розовые, фиолетовые, синие, зеленые, желтые и черные краски, Блинов создавал мягкие полутона, сливавшиеся в сдержанную и выразительную цветовую гамму. Он

заклучал свои миниатюры в тонкие рамки, выполненные пером и тушью. Интересно, что лица ордынцев не имеют монголоидных черт. Их можно отличить от русских людей лишь по определенным элементам одежды, особым головным уборам и обуви с заостренными носками. «Сказание» считается одной из лучших работ замечательного мастера, а книга в целом обогатит знания и доставит эстетическое удовольствие даже самому взыскательному читателю.

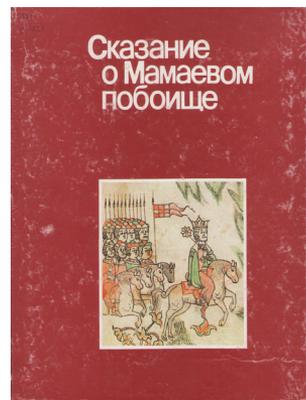
Строчка, выбранная в качестве эпиграфа, принадлежит перу поэта 20 века Иосифа Бродского. Обилие звуков «к» и «в» создают аллитерацию. Рифма «язык во» и «ярлык во» усиливает особое звучание, напоминающее речь заикающегося человека. Быть может, он охвачен удушьем или страхом. Состояние души неизбежное для русского князя в орде, преодоленное силой духа Михаила Черниговского. Для Бродского удушающей была атмосфера, наступившая после эпохи политической «оттепели» в Советском Союзе. Для него преодолением была эмиграция. Необходимость сделать выбор и готовность отвечать за него сближают древнерусского героя и поэта. Тайны человеческих судеб, загадочная точность поэтических строк, таинственное течение исторических процессов, переплетаясь, чертят портреты ушедших эпох. Вглядываясь в эти лики, мы пытаемся угадать будущее.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ: Лицевая рукопись XVII века из Собрания Гос. Ист. Музея. – М.: Сов. Россия, 1980. – 270 р.

Я не первый воин, не последний.

А. Блок

Перед нами Лицевая рукопись «Сказания о Мамаевом побоище» XVII века из собрания Государственного Исторического музея. Издание осуществлено в Москве в 1980 году в связи с 600-летием сражения на Поле Куликовом в 1380 году. Юбилейное издание «Сказания о Мамаевом побоище», отличаясь краткостью и компактностью, а также обилием справочных материалов, красотой средневековых миниатюр и факсимильным воспроизведением текста древней рукописи, несомненно, представляет интерес для всех, кто увлечен историей Руси, книжной культурой средневековья и искусством миниатюры. В книгу вошли Лицевая рукопись 17 века из Собрания Государственного

Исторического музея, вступительная статья, палеографическое описание рукописи, миниатюры 17 века, а также комментарии к ним. Вступительная статья, палеографическое описание, и комментарии к каждой из имеющихся миниатюр переведены на английский язык. Автором издания, компактного и яркого, является Татьяна Владимировна Дианова. Перевод на английский язык выполнен В. С. Фридманом.

Историческая обстановка была такова. Темник Мамай рвался к власти в Золотой Орде, уже пережившей времена своего расцвета и клонившейся к распаду. Для увеличения своих шансов на успех во внутренней политике он готовил победоносную войну с русскими, предполагая воспользоваться испытанным оружием – раздробленностью и междоусобицами противников. Он заключил союз с литовским и рязанским князьями и пообещал своим скорую победу, запретив пахать землю и брать с собой обоз. В то время, однако, Московский князь Дмитрий Иванович правил в княжестве, значительно укрепившемся экономически, обладал опытом сражения с монголо-татарами, твердой волей и авторитетом среди русских. Союзники Мамай медлили, ожидая исхода сватки. Известно, что Рязанский князь предупредил Дмитрия Донского о готовящемся нападении. Русские сами хотели сразиться с войсками Мамай, сознавали, что победа достанется ценой большой крови, но готовы были жертвовать собой ради свободы.

Существует летописный рассказ о том, что набег Северского князя Игоря Святославича мог закончиться успешно, если бы русские по его предложению, захватив богатую добычу, сразу двинулись бы в обратный путь. Воины устали, добыча была тяжела, князья-союзники Игоря не сознавали опасности, а единоначалие отсутствовало. Заночевали в степи, а к утру оказались в окружении половцев, что и привело к трагической развязке. Московский князь Дмитрий, впоследствии прозванный Донским, заранее все спланировал, распределил роли и требовал от каждого мужественного и точного выполнения задуманного. Одна за другой были посланы две разведки, был оставлен в засаде свежий полк под предводительством Боброка, ворвавшийся в сечу в нужный момент и решивший исход боя. Князь Дмитрий пользовался безоговорочным авторитетом в стане русских воинов, единоначалие было полным.

«Сказание о Мамаевом побоище» по жанру принадлежит к воинским повестям и входит в так называемый «Куликовский» цикл. Эти произведения объединены не только тематически. По страницам «Задонщины», «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Сказании о Мамаевом побоище» здесь и там рассыпаны намеки и воспоминания о жизни

домонгольской Руси, о временах, ушедших в прошлое и идеализированных народным сознанием. Ведь это была эпоха свободы. В литературном отношении произведения Куликовского цикла ориентированы на «Слово о полку Игореве», подражательны по отношению к шедевру древнерусской литературы, полны цитат и аллюзий. В то же время они сами по себе оригинальны и интересны. Роднит «Слово о полку Игореве» и «Сказание о Мамаевом побоище» также политическая идея приверженности свободе и осознание необходимости единства русских сил.

Из палеографического описания рукописи узнаем, что она написана полууставом четырьмя писцами с разными почерками. На бумаге имеются водяные знаки двух типов: изображения медведя в гербовом под короной щите и голова шута. Рукопись украшена орнаментом со светлой листвой, вьющейся по темному фону. В верхней части заставки на первом листе изображена листва, в которой как бы спрятаны буквы к, а, ш, о, а, н, п. Делается предположение, что мы видим зашифрованное имя мастера, украсившего книгу. Тайнопись встречается в рукописях, но не всегда, к сожалению, поддается расшифровке. В издании опубликованы 89 листов миниатюр 17 века. Средневековый мастер наносил вначале контур миниатюры черной краской, а затем ее раскрашивал, применяя красную и зеленую краски, реже встречались желтый и лиловый цвета, отсутствует синяя краска. Она была самой дорогой и употреблялась только для украшения роскошных книг, предназначенных для богатых заказчиков. Наша рукопись была создана для людей среднего достатка. Это говорит о широком распространении рукописных книг на Руси и высокой культуре их изготовления. Миниатюры выполнены мастерски.

На 80 листе мы видим миниатюру, связанную с одним из самых драматичных моментов, описанных в тексте. Дело в том, что Дмитрий, Московский князь, был предупрежден о том, что монголы будут специально охотиться за ним во время сражения, надеясь на то, что гибель предводителя русских дружин и падение княжеского знамени деморализует воинов и облегчит ордынцам путь к победе над русскими. Князь был опытен и хитер. Будущий Дмитрий Донской передел в свои одежды и передал знамя в руки другого человека, чтобы сбить врагов с толку, а сам, облачившись в одежды простого русского воина, ринулся в гущу битвы. Наравне с другими, по слову поэта Александра Блока, «не первый воин, не последний», рубился Московский князь, неузнанный и безымянный, готовый погибнуть за свободу Руси. После сражения русские воины ничего не знали о судьбе своего князя. Его искали и долго не могли найти соратники. Миниатюра изображает тот момент, когда князь Дми-

трий, был, наконец, найден под обрубленной березой. Мы видим князей в коронах и березку. В отдалении фигура воина, держащего лошадь для князя. Владимир Андреевич помогает подняться Дмитрию Донскому, поддерживая его. Особенно выразительны жесты простых воинов. Один из них пал на колени. Двое других радостно протягивают руки к князю Дмитрию. Красный, зеленый и желтый цвета яркие и ликующие. Понятно, что все счастливы оттого, что Дмитрий Донской нашелся раненый, но живой. Миниатюра поэтична как песня с милым народному сознанию параллелизмом жизни природы и человеческой души. Для искалеченной, но выжившей после жестокой сечи березки, обессмертившего свое славное имя князя Дмитрия и его соратников Родина одна, та же, что и для дружинников «Слова о полку Игореве» и воинов, отстаивавших Россию в сражениях последнего столетия.

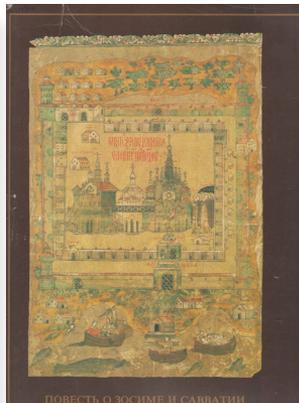
ПОВЕСТЬ О ЗОСИМЕ И САВВАТИИ: ФАКСИМ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ. – М: Книга, 1986. – 237 р.

ПОВЕСТЬ О ЗОСИМЕ И САВВАТИИ: НАУЧНО-СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ. – М: Книга, 1986. – 180 р.

Подвиг есть и в сраженьи, Подвиг есть и в борьбе
Высший подвиг в терпении, Любви и мольбе

А. С. Хомяков

«Повесть о Зосиме и Савватии» вышла в Москве в издательстве «Книга» в 1986 году в серии «Памятники книжного искусства. Древнерусская книга» В первый том вошел текст, являющийся факсимильным воспроизведением древней рукописи. Перед нами Вахрамеевский список из коллекции Государственного Исторического Музея, далеко не единственный вариант лицевой повести, опирающийся, по-видимому, на

очень древний, к сожалению, не дошедший до нас в оригинале средневековый текст. По страницам повести рассыпаны миниатюры. Они сопровождают текст, поясняют его, иллюстрируют и сами по себе являются произведениями искусства. Во второй том издания вошли многочисленные справочные материалы. Он открывается вступительной статьей М. М. Черниловской «Повесть о Зосиме и Савватии Соловецких – памятник русской культуры XVI-XVII веков», затем следует палеографическое описание рукописи и, выполненный М. М. Черниловской, перевод памятника древнерусской литературы на современный русский язык. Подробная и глубоко научная статья Г. В. Попова «Книжная культура 16 века и художественное оформление повести о Зосиме и Савватии» предшествует описанию многочисленных миниатюр. Читателям предоставляется возможность познакомиться со статьей Б. П. Журавского «О системе организации рукописного кодекса повести о Зосиме и Савватии», использовать географический указатель, а также списки литературы и иллюстраций, выполненные на высоком уровне.

Как и «Житие Михаила Черниговского» «Повесть о Зосиме и Савватии» является образцом житийной литературы, популярной на Руси в средние века. Речь, правда, идет не о представителе княжеского рода, погибшем в орде за веру, а о двух подвижниках, основателях северного форпоста, мужского монастыря-крепости. Это диво красоты и чудо инженерного искусства на острове в бурном море на севере Карелии стало символом русской духовности и, одновременно, имело и военное значение. Обитель сыграла немалую роль во время шведско-русской войны 1590-1595 гг. Жизнь главных героев повести преподобных Савватия и Зосимы Соловецких наполнена искренними молитвами, духовными озарениями и тяжелым кропотливым трудом по обустройству монастырского хозяйства в условиях суровой природы.

Преподобный Савватий, не убоившись ни строгостей устава, ни тягот путешествия, ушел из Кирилло-Белозерского монастыря в обитель на острове Валааме. Своей скромностью, молчаливостью и терпеливостью он удивлял монахов. Догадавшись, что это святой человек, насельники Валаамского монастыря не хотели отпускать преподобного Савватия, когда он вновь собрался в путь, желая достичь большого необитаемого острова. Это были Соловки. Преподобный Савватий при всей кротости обладал бесстрашием и отличался твердым характером. Он отплыл тайно и отправился в опасное двухдневное путешествие по морю. Савватий стремился к уединению, к тишине и полноте смиренного служения богу, считая, именно безмолвную молитву идеальной возможно-

стью для человека слиться душой с божественным и вечным началом мира. Признавали ценность безмолвной молитвы монахи-анахореты, древние иудеи, сторонники религиозного учения исихазм, насельники Афонского монастыря и многие другие. Замечательно писал о мысленной молчаливой молитве Антоний Сурожский: «Внутреннее безмолвие – это отсутствие всякого внутреннего движения мыслей и эмоций... это состояние полной бдительности, открытости к богу». Преподобный Савватий познакомился с монахом, жившим в лесу. Герман сопровождал его в плавании и остался с Савватием на необитаемом острове. Старцы водрузили крест на берегу озера и поставили келью. Лишь при Зосиме на Соловках построили монастырь. Все постройки были из дерева. Каменное строительство в обители связано с именем Филиппа Колычева, который не является героем нашей повести, рассказывающей о первоначальном наиболее героическом этапе создания монастыря.

Несмотря на участие в создании текста и его словесном украшении крупнейших писателей того времени Максима Грека и Льва Филолога, необычайная популярность, приобретенная повестью уже в 16 веке вскоре после своего появления, связана не только с ее стилистическими достоинствами. В Средневековье на Руси саму по себе географию понимали не как естественнонаучную дисциплину. По выражению Юрия Лотмана «география выступает как разновидность этического знания. Всякое перемещение в пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении». Изначально это связано с оппозицией «Земля-Небо» и приводит к тому, что разные местности и страны мыслятся как святые или проклятые. Освоение южных и северных окраин России приобретает помимо практической пользы, морально-этическое освещение. Путешествие в удаленную местность воспринимается как подвиг, пустынножительство осмысливается как приближение к богу в условиях земного существования. Жизнь на необитаемом острове и в самом деле была духовным подвижничеством и физическим испытанием, выдержать которое было не всякому по плечу.

Когда Герман отбыл по делам на материк, Преподобный Савватий остался на острове совсем один. Почувствовав приближение смерти, он отправился в путь, и исповедался отцу Нафанаилу. Выслушав будущего святого, тот сказал: «Мне бы твои грехи». Иван, мирянин, утром, отворив дверь в келью, увидел Савватия сидящим на стуле в мантии с кадиллом в руке. Преподобный уже не дышал. Комната была полна благоухания. Нафанаил, возвратившись после посещения больного, отпел тело будущего святого. Впоследствии мощи Савватия были перенесены

в монастырь, основанный Зосимой, чей образ также овеян легендами.

Достаточно вспомнить рассказ о встрече Зосимы с Новгородской посадницей Марфой Борецкой. Своенравная хозяйка города поначалу велела прогнать прочь будущего святого. Он же предсказал ее неминуемую гибель и запустение богатого дома. Вскоре Марфа передумала гневаться и пригласила преподобного на пир. Зосима сидел за столом, уставленным яствами, пригрюнившись. Преподобный поведал иноку, что видел шестерых бояр, сидевших за пиршественным столом без голов. Они, в самом деле, были впоследствии обезглавлены Иваном Грозным.

В повести описаны многие чудеса: пророчества, исцеления, возвращение утраченного зрения или утерянных денег, усмирение ветров и успокоение бушующих волн, подсказки, спасающие жизнь утопающим. Рассказы эти лаконичны, полны драматизма, отмечены легко различимым притчевым началом. Преодолевая внутренние противоречия и продвигаясь по пути самосовершенствования, основатели обители совершают свои подвиги, одерживая верх в поединке с бесами, в противостоянии людскому неразумию, в схватке с суровостью непогоды. Средневековые описания природы, как правило, не вникают в сезонные изменения. Но море в повести всегда разное: мощное, грозное, тихое, величественное. Его спокойствие воспринимается как чудо, как результат вмешательства святого человека или самого неба. Тягот жизни на Соловках не выдержали три настоятеля, посланные в обитель из Новгорода. Они сбежали один за другим. Тогда иноки сами избрали себе в начальники преподобного Зосиму. Они отправили делегацию в Новгород, прося благословить своего настоятеля, и получили согласие церковных властей на это назначение. Зосима покорился воле сподвижников.

Преподобный много трудился, обустроивая обитель. Исследователи отмечают своеобразную «приземленность» повести, обилие в ней деталей быта и бытовых событий, связанных с ведением монастырского хозяйства. Современные читатели не должны забывать, что это быт, обращенный к богу, одухотворенный и просветленный молитвой. Само по себе созидание на краю света богоугодно и благословенно небом. Текст повести пронизан пафосом созидания. В одном из чудес рассказывается о разбойнике, ограбившем монастырь. Ладья его потерпела крушение в бурном море. Грабитель выбрался на сушу и узрел видение. Ему явился Зосима. Преподобный гневно возгласил: «Я созидаю, а ты разрушаешь!». После чего разбойник Василий покаялся, море успокоилось, исправившийся вор был спасен и возвращен в монастырь. Реальная жизнь главных героев повести может быть названа чудом самоотверженного

служения богу, подвигом освоения удаленной земли, образчиком неисчерпаемого терпения и примером душевной крепости.

Значение Вахрамеевского списка во многом определяется богатством оформления. 234 листа рукописи украшены миниатюрами, она переплетена в парчовый переплет с серебряными украшениями и является образцом столичного искусства. Миниатюры Вахрамеевского списка отличаются стилистической самостоятельностью, оригинальностью, красочностью, тщательностью и детальностью рисунка, усложненностью композиции. Зачастую одна миниатюра содержит в себе несколько сюжетов. На первом плане наиболее крупно изображено то, что является самым главным, второстепенные сюжетные линии могут присутствовать в виде вставок. При этом миниатюра в целом соответствует общепринятой иерархии фигур и смыслов, что согласуется с общей иерархичностью мышления средневекового человека. Современному читателю требуется квалифицированный и подробный комментарий, который можно найти в подробном описании каждой миниатюры. Интерес к повести не ослабевал, иллюстрирование книги было длительным процессом. Последние образцы значительно отличаются от самых древних. Зачастую драматизм изображения замещается в них изысканностью и утонченностью.

Особый интерес представляет собой уцелевшая выходная миниатюра. Когда-то их было две. Та, что изображала лики основателей обители, утеряна. Сохранившаяся миниатюра, по сути дела является рисунком-чертежом, изображающим план крепости-форпоста. В ней своеобразно сочетаются конкретность и условность, новаторское начало и традиционность изображения. Возможно, она является одной из предшественниц карт последующих эпох и, безусловно, от нее идет традиция воспроектирования панорамы обители сверху как бы «с птичьего полета».

«Повесть о Зосиме и Савватии» является ярким образцом популярного на Руси жанра житийной литературы, книга же в целом сочетает в себе совершенство каллиграфического письма, прихотливую орнаментальность, а также удачное взаимодействие живописного и ювелирного начал. Раритетное издание является одним из самых интересных в нашем редком фонде.

Избранные для обзора книги дошли до нас из глубины веков. Они созданы народным гением, неоднократно переписаны писцами, тщательно иллюстрированы и сохранены для потомков. О каждой из них написаны монографии, диссертации на соискание ученых степеней и научные статьи. Данный краткий текст адресован читателям и пользователям библиотеки нашего университета, преподавателям и студентам,

филологам и историкам города, а также всем, кто интересуется славистикой, книжной культурой, древней живописной миниатюрой и заинтересован в сохранении в веке компьютерных технологий наследия старины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ГАВРЮШИН, Н. К. Лицевые рукописи «Слова о полку Игореве» И. Г. Блинова. В: Слово о полку игореве. М.: Книга, 1988, pp. 124-129.
2. ГРЕБЕНЮК, В. П. Об истории изданий Слова о полку Игореве. В: Слово о полку игореве. М.: Книга, 1988, pp. 124-129.
3. ЛИХАЧЕВ, Д. С. *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979. 357 p.
4. ЛОТМАН, Ю. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. В: ЛОТМАН, Ю. О русской литературе. СПб.: Искусство, 1997, pp. 112-115.
5. ПАРУНИН, А. В. Модель смерти и умирания в «Повести об убиении князя Михаила Черниговского» [on line] [accesat 27 dec. 2012]. Disponibil: http://krotov.info/libr_min/16_p/ar/unin_01.htm
6. *Повесть о Зосиме и Савватии: Научно-справочный аппарат*. М: Книга, 1986. 180 p.
7. *Сказание о князе Михаиле Черниговском и о его боярине Феодоре*. М.: Книга, 1988. 107 p.
8. *Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII века из Собрания Гос. Ист. Музея*. М.: Сов. Россия, 1980. 270 p.
9. *Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник*. М.: Сов. Писатель, 1986. 576 p.
10. *Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославича, внука Олегова: Древнерус. текст, подгот.к печати В. Ржигой и И С. Шамбинаго, писанный и иллюстр. палех. мастером Иваном Голиковым*. М.: Академія, 1934. 51 p.
11. *Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода-Северскаго, вновь переложенное Яковом Пожарским, съ присокуплением примечаний*. СПб: Департамент нар. просвещения, 1819. 89 p.
12. ФРЭЗЕР, Д. Д. *Золотая ветвь*. М.: Политиздат, 1984. 703 p.
13. *Энциклопедический словарь*. Т. 23А, СПб., 1900. 496 p.
14. *Энциклопедический словарь*. Т. 24. СПб., 1900. 456 p.